

Среда, 20 апрѣля (3 мая) 1905 г.—№ 129

СПОВО

8

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Московскій художественный театръ.

„Ивановъ“. Драма А. Чехова.

Существуетъ трогательный обычай посѣщать на Пасхѣ кладбища. Забывъ о той неумолимой преградѣ, которая стоитъ между мертвыми и нами, живые спѣшатъ сообщить имъ радостныя вѣсти о побѣдѣ надъ смертью, утѣшить ихъ въ ихъ одиночествѣ и какъ бы остановить ту работу разрушенія, которая идетъ тамъ, подъ землей, въ этихъ гробахъ. Ласково свѣтитъ весеннее солнце, на деревьяхъ еще прозрачныхъ и черныхъ чуть замѣтная прозелень, еще очень мало признаковъ возрожденія жизни, но мы вѣримъ въ нихъ, въ нихъ черпаемъ силу, ими думаемъ побѣдить даже самую смерть. Главнымъ признакомъ появленія смерти является разложеніе, распадъ и это можно наблюдать не только надъ отдѣльными организмами, но и надъ цѣлымъ обществомъ. И вотъ картину такого разложенія далъ Чеховъ, на литературные поминки котораго явилась вчера тысячная толпа, жадно слушающая и ловившая каждое слово. Геній Чехова, молодого Чехова, еще полного силъ и молодого, развернулъ передъ нами картину разложенія и гніенія общества. Здѣсь все разлагается въ этой усадьбѣ: все гніетъ и превращается въ тлѣнь. Холоднымъ ли свѣтомъ мѣсяца залита эта усадьба со старымъ домомъ, ярко ли блещетъ солнце—все равно жизни тутъ нѣтъ, ни настоящей, ни призрачной. Здѣсь прошла стороной смерть и дохнула на этотъ уголокъ. Падаютъ штукатурка съ карнизовъ, гніетъ старый домъ, въ безсильной борьбѣ гибнутъ люди и только совы смѣются надъ этимъ ужасомъ, надъ этимъ умираніемъ. Какъ всегда на мѣстѣ разложенія отдѣляются вредные газы, вырастаютъ и распадаются грибы, шевелятся паразиты, такъ точно и здѣсь... Сара, графъ, семья Лебедевыхъ, всѣ эти гости, частью уже совсѣмъ умершіе, или живущіе на счетъ умирающихъ, наконецъ самъ Ивановъ—все это элементы гніенія, признаки смерти общества. Чеховъ не даромъ написалъ эту пьесу въ восьмидесятыхъ годахъ, когда общество самой жизнью было приведено къ роковому раздумью, что дальше дѣлать, куда идти? Пышный расцвѣтъ шестидесятыхъ годовъ, послѣдній отблескъ сороковыхъ—все это не привело ни къ чему и не основанное ни на чемъ прочемъ, кромѣ милости и снисходительности начальства, общество восьмидесятыхъ годовъ не знало, что ему дѣлать: стряхнуть ли съ себя тяжелый сонъ прошлаго и съ ужасомъ прямо посмотреть въ глаза дѣйствительности или продолжать грезить и мечтать. Чуткій и впечатлительный Чеховъ понялъ этотъ моментъ и въ яркихъ образахъ разбѣдаемой самоанализомъ, путающейся въ борьбѣ съ совѣстью и чувствомъ, пережитками прошлаго и идеалами будущаго российской интеллигенціи изобразилъ это перепутье на сценѣ. Станиславскій понялъ это и поэтому играетъ Иванова уже какъ историческую пьесу. Съ одной стороны это правильно, это чрезвычайно умно, но съ другой пока неосуществимо. Восьмидесятые годы слишкомъ еще памяты, слишкомъ близки, чтобы мы могли придать ихъ героямъ даже въ самой внѣшности характерныя черты. И получились совершенно неожиданно не восьмидесятые годы, а сороковые. Гоголевскими типами пахнуло со сцены, какъ будто гдѣ-то зарницей промелькнулъ шаржъ, буффонада, но все это потонуло въ первомъ прибоѣ Чеховскаго пессимизма, который идетъ все сильнѣе и сильнѣе и разрѣшается черезъ-чуръ уже просто и

такой коренной ошибки въ постановкѣ пьесы какъ бы раскололась и получились гоголевскіе и чеховскіе типы, у которыхъ конечно ничего нѣтъ общаго, почему и чувствовался все время какой-то пробѣлъ, ощущалось отсутствіе связующаго звена. Поэтому говорить о второстепенныхъ персонажахъ не приходится и надо говорить только о главныхъ. Но и здѣсь нѣтъ единства: Леонидовъ стоитъ совершенно особнякомъ. Онъ рельефенъ, онъ ярокъ и силенъ, отъ него вѣетъ жизненной правдой, онъ не въ стилѣ остальныхъ исполнителей, которые вылиняли и посѣрѣли. Могутъ сказать, что такова сама роль, но нѣтъ! Леонидовъ еще не останился, онъ еще вспыхиваетъ и потому, когда онъ на сценѣ, тѣни колеблются, качаются, получается странная игра. Станиславскій неподобенъ въ роли графа. Онъ далъ, если хотите, тотъ же типъ стараго барина въ „Вишневомъ садѣ“, но уже въ періодѣ окончательнаго рамолискента. Все прожито, все пережито, ни радости, ни даже надежды и кругомъ море гадости и пошлости. Противъ теченія плыть нѣтъ силъ, а совѣсть еще не совсѣмъ умерла и приходится себя оправдывать, лгать даже передъ самимъ собою. И Станиславскій создалъ этотъ образъ удивительно. Гримъ, походка, всякое движеніе — словомъ все удивительно тонко и продумано. А самъ Ивановъ? Качаловъ актеръ съ большимъ настроеніемъ, большимъ подъемомъ. Онъ вдумчивъ и порою искрененъ, но это не тотъ Ивановъ, котораго рисовалъ себѣ, вѣроятно, авторъ. Въ немъ слишкомъ много позы, мало простоты, мало пошлости во внѣшности, въ манерахъ, потому что онъ не Гамлетъ, не лишній человекъ, онъ просто общее мѣсто, пустое, никому не нужное мѣсто, бѣлое пятно. Нѣкоторые критики говорятъ, что Чеховъ потому то даже называлъ героя своего Ивановымъ, чтобы самой фамиліей не выдвинуть его изъ массы, слить со всей ноющей пустоватой российской интеллигенціей.

Если бы я не боялся смѣлости сраженія, то я сказалъ бы, что Ивановъ это

Чацкій восьмидесятихъ годовъ, но Чацкій опошлившійся, начитавшійся „Голоса“ и говорящій общими мѣстами. Качаловъ дѣлаетъ Иванова героемъ, выдвигаетъ его; напротивъ, онъ долженъ стушевываться, отходить далеко въ этой черной картинѣ и быть тамъ, на краю горизонта, маленькой точкой, путеводнымъ огонькомъ. Ивановъ еще мыслить, но скоро онъ перестанетъ это дѣлать, онъ сопъется и, лишая себя жизни, онъ только подводитъ итогъ, потому что въ сущности онъ давно въ агоніи...

Сара — г-жа Книпперъ проводитъ свою роль съ большой женственностью, мягко, благоговѣйно... Все красиво, все поэтично, ни тѣни утрировки или стремленія къ мелодрамѣ, а тутъ это такъ соблазнительно, и образъ получается чарующій, манящій... Шурочка Косминская совершенная противоположность, она порывъ и если рѣзко звучить ея голосъ, размашисты манеры и смѣлы движенія, то это необходимо для контраста и чувствуется и здѣсь режиссерскій контроль, неусыпное попеченіе...

Говоря о спектаклѣ Художественнаго театра, нельзя умолчать о постановкѣ, которая является здѣсь элементомъ перво-степеннымъ. Второй, третій и четвертый акты — это плодъ громаднаго труда, удивительной срепетовки и продуманности всѣхъ деталей. Здѣсь чувствуется большой умъ, большое пониманіе и знаніе сцены, но сердце чувствуется въ первомъ актѣ. Старинный помѣщичій домъ съ колоннами, лужайка передъ домомъ, трепетное мерцаніе луны и тихая, медомъ разливающаяся мелодія серенады...

И когда Книпперъ открыла окно и докторъ заговорилъ о сырости, о томъ, что вредно вечеромъ выходить на воздухъ, и какъ бы въ подтвержденіе его словъ, слышался сухой, рѣзкій кашель, я невольно подумалъ, что эта женщина въ бѣломъ, стоя передъ темной залой, не видитъ ничего... Она рисуется себѣ прошлое, недавнее прошлое. Такіе же вечера, такіе же совѣты врачей и такой кашель, который уносилъ жизнь близкаго дорогого ей и всѣмъ намъ человѣка... И пауза на сценѣ была сердечна, трогательна. Мы вспомнили дорогого намъ человѣка въ день Пасхи, придя въ театръ, гдѣ еще звучитъ его слово, бьется отзывчиво любившее его сердце.